

Русский приключенческий роман

Ник. Шпанов

КРАСНЫЙ КАМЕНЬ

УДК 821.161.1

ББК 84.4

Ш83

Шпанов, Н.

Ш83 Красный камень / Н. Шпанов. – М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2022. – 284 с.

В сборник известного советского писателя Николая Шпанова вошли приключенческая повесть «Красный камень», детективная повесть «Медвежатник», цикл рассказов «Старая тетрадь».

BIC FJ

BISAC FIC002000

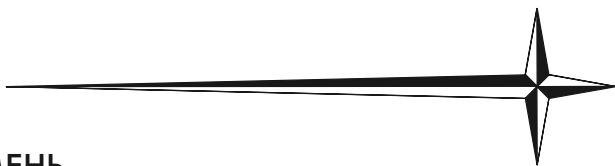
© Николай Шпанов, текст, 2021

© Елена Чернова, обложка, 2021

© Т8 RUGRAM, оформление, 2021

© Т8 Издательские технологии, 2022

ISBN 978-5-521-92839-2

КРАСНЫЙ КАМЕНЬ

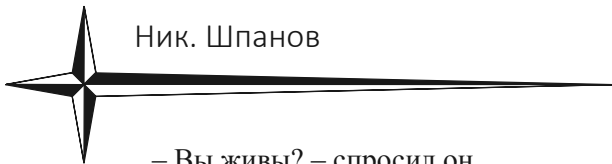
Голубеграмма из Усть-Сысольска

Судьбы писателей не одинаковы. Одним удастся с первого раза написать произведения, открывающие перед ними двери литературного Олимпа, другие по несколько десятков лет умудряются оставаться в рядах скромных середняков, не проникающих дальше олимпийской прихожей. Но от этого литератору не становится менее дорого то, что он сделал на протяжении своего литературного пути. С годами появляется опыт, обостряется глаз, повышаются вкус и требовательность к самому себе. Вместе с тем подчас какой-нибудь пустяк, сделанный много лет назад, сохраняет для автора свою ценность. Вероятно, тут играют роль ассоциации, связанные с этим забытым было пустяком.

Не знаю, как бывает у других, но мне до сих пор дорог небольшой очерк, написанный тридцать лет назад. Он ценен для меня тем, что это мое первое произведение, напечатанное в большом литературном журнале. Вероятно, в очерке нет особых литературных достоинств, но он – важная веха на моем жизненном пути. Очерк мил мне потому, что его я первым увидел в печати; потому, что после его опубликования я получил первые читательские письма; потому, что после его появления редакции впервые обратились ко мне, как к писателю. А написан он был при таких обстоятельствах.

В один весенний день 1926 года – да простит мне читатель этот трафарет, но день был действительно прекрасен весенним теплом, светом, перезвоном трамваев и гулким цокотом подков на Никольской, где тогда еще не было ни потока автомобилей, ни густой толпы стремящихся в нынешний ГУМ, – в тот весенний день на моем редакционном столе позвонил телефон.

В трубке я узнал голос главного инспектора Гражданской авиации Владимира Михайловича Вишнева.

– Вы живы? – спросил он.

– Пока да.

– И здоровы?

– Кажется...

– Странно, – удивленно проговорил Вишнев, – а у меня на столе лежит молния из Усть-Сысольска. Там поймали почтового голубя с голубеграммой: воздухоплаватели Канищев и Шпанов совершили посадку в тайге и просят помощи. Не знаю, стоит ли снаряжать спасательную экспедицию на тот свет? Ведь за последние полгода волки, наверно, обглодали их кости.

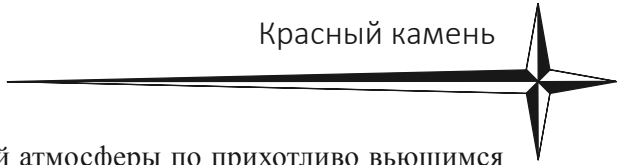
Мы оба рассмеялись. Речь шла о голубеграмме, отправленной Канищевым и мною полгода назад из таежных дебрей Коми.

Мы поговорили с Вишневым о «надежности» голубиной почты и на том расстались. Но в тот же день мне позвонил редактор «Всемирного следопыта» Владимир Алексеевич Попов. Он любил «открывать» писателей и умел подхватывать все, что интересно читателю. Из случайного разговора с Вишневым Попов узнал о голубеграмме. Теперь он просил меня описать свое таежное приключение для читателей «Следопыта». И вот что я тогда написал.

1. Куда мы полетим?

Я был назначен вторым пилотом сферического аэростата «1400», участвовавшего в первых советских воздухоплавательных соревнованиях в свободном полете на продолжительность.

Мой товарищ по полету – первый пилот, профессор Военно-воздушной академии Михаил Николаевич Канищев был не по возрасту грузный, медлительный человек. Последний вечер перед полетом он просидел, угрюмо уставившись дальнотзорными глазами в голубое поле синоптической карты. Вопреки практике и здравому смыслу, он пытался разгадать

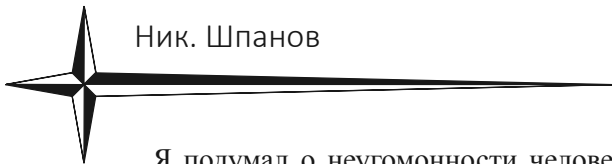
намерения капризной атмосферы по прихотливо выющим линиям изобар. Канищев не был ипохондриком, но за синоптическими картами он становился ворчуном. Прогноз был по обыкновению сбивчив: вечером он противоречил тому, что предсказывали утром, а утром небо наглядно отрицало вечерние утверждения метеорологов. И так без конца. Поэтому Канищев настойчиво пытался сам по карте движений атмосферы представить, в каком направлении понесет нас завтра воздушная стихия. Нам следовало избрать такую высоту и такое направление ветра, чтобы пройти наибольшее расстояние и пробыть в воздухе дольше всех. По-видимому, Канищев, так же как я, не забывал о том, что у нас есть серьезный соперник: экипаж Федосеенко – Ланкман. Правда, аэростат у нас новый, еще ни разу не бывший в полете, и объем его – тысяча четыреста кубических метров – позволяет рассчитывать на хороший запас балласта. Но все же... Мало ли всяких неожиданных «но» ждет аэронавта в свободном полете!.. Да к тому же мы не можем похвастаться сеткой: старая, взятая с аэростата меньшего объема, она не внушает доверия.

– А знаете, маэстро, – задумчиво заявляет Канищев, – дела-то не блестящи. Ветры самые отвратительные: изо дня в день на северо-восток.

– Бросьте ваше гадание на кофейной гуще. Нагадаете север, а полетим на юг. Меня, откровенно сказать, больше занимает вопрос – сколько продержимся?.. А где сядем – не все ли равно? Выходы отовсюду есть. Гадать – только время терять. Идемте-ка лучше на боковую. Завтра чуть свет, – на ноги.

– Валяйте, а я еще разберусь в сводках.

Но, по-видимому, в конце концов и ему надоели замысловатые узоры изобар с беспорядочно смотрящими во все стороны стрелками ветров. Сквозь сомкнутые веки я видел, как он клюет носом над синоптическими картами. Свет в комнате погас, и я услышал возню. Канищев сопел и кряхтел так, словно делал тяжелейшую работу.

Я подумал о неугомонности человеческой натуры. С его комплекцией и сердцем сидеть бы в кабинете и предаваться изучению излюбленной истории воздухоплавания. Ан нет!..

2. Куда мы летим?

День прошел в хлопотах, сумерки уже надвигались, когда приготовления к старту были закончены. С бортов корзины сняты балластные мешки. В самой корзине все уложено в надлежащем порядке, приборы – на рейках, карты и провиант – в сумках по бортам, тяжелый балласт – в мешках на дне корзины.

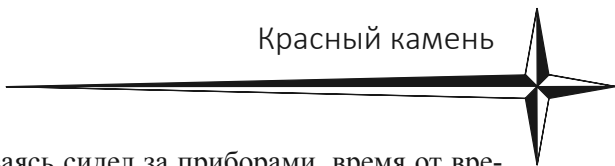
Рубящий слова голос стартера:

– Дать свободу!.. Вынуть поясные!

Восхищенно-растерянные физиономии мальчуганов, тесным кольцом обступивших старт, стали быстро уходить вниз. Сердце у меня екнуло при виде того, как с места в карьер Канищеву приходится травить балласт, чтобы не налететь на мачты радио, некстати выросавшие на нашем пути. Но вот и эти препятствия остались в стороне. Мы были на чистом пути. Внизу, в каких-нибудь двух сотнях метров, лежала Москва, отчетливо кричавшая гудками автомобилей и быстро уходящими шумами трамваев.

В самое сердце столицы врезались своими черными щупальцами пауки железнодорожных узлов. Мы пересекли одну за другой путаницы нескольких станций.

Становилось меньше домов, больше деревьев, тусклой желтоватой листвы, спаленной дымным дыханием заводов, буро-красными коробками обступивших город. Но кончились и они. Свежели деревья. Свободней потянулись к небу их зеленые шапки. Расплывчатые пригороды Москвы утонули в зелени садов. Как браслетом отрезала «пределы города» Окружная дорога. Мы – за границами столицы.

Канищев не отрываясь сидел за приборами, время от времени посылая за борт совок балласта. Над Окружной дорогой он коротко бросил:

– Гайдроп!¹

– Есть гайдроп.

Один за другим уходили за борт аккуратно сложенные витки толстого морского каната. Я должен был сделать это так, чтобы Канищев не заметил толчка, когда гайдроп повиснет на обруче. Фут за футом канат уходил к земле. На руках сразу вздулись кровавые пузыри.

– Гайдроп вытравлен!

Берусь за бортовой журнал. Надо заносить данные каждые пятнадцать минут.

«18 часов 12 минут, высота 200 метров. Курс 29 норд-норд-ост. Температура 14 с половиной выше нуля».

Из гущи деревьев, с желтых прогалин, донесся задорный крик:

– Эй, дядя, садись! Са-а-ди-ись к нам!

Я поглядел вниз, на конец гайдропа. Сверился с компасом: курс 32, и ветер как будто много быстрее, чем по прогнозу. Мы шли со скоростью шестидесяти – семидесяти километров вместо предсказанных жрецами погоды двадцати.

Проплыли над Пушкином.

В стороне осталось Софрино.

В сумерках у станций смешно мельтешили озабоченные дачники.

Массивная фигура Канищева все так же молча торчала в своем углу у приборов. Время от времени он постукивал ногтем по стеклам, разгоня сонливость стрелок.

Беспредельно далеко и вместе с тем как-то совсем тут, рядом, пылала вечерняя заря. Это были не лучи, а просто темно-розовое зарево, какого не увидишь с земли. Пыль и дым навсегда закрыли там от людей чистоту заката, и люди никогда не видят его в настоящей красе. Если бы они знали, как это

¹ Гайдроп – балластная веревка, служащая для торможения движения и смягчения удара корзины при окончательном спуске воздушного шара на землю.

здорово! И провожает солнце невероятная, просто неправдоподобная тишина. Такой тоже не бывает на земле.

Быстро тускнел запад. Из багрового он превратился в лиловый. Потом темно-серая мгла затянула все небо. И вот уже почти совершенно темно. Без помощи карманного фонаря невозможно разобраться в показаниях приборов.

Мертвенно-белый луч на минуту выхватил из мрака коробки альтиметра и барографа. И снова все погрузилось в полную чернильного мрака ночь. Только призрачно фосфоресцирует своими черточками циферблат часов. Время от времени прошуршат в своей корзинке почтовые голуби, лениво перекнувшись во сне.

– Закурим? – спросил Канищев.

Я вынул из сумки банку с монпансье. Это наши «папиросы». Чиркнуть на шаре спичкой – значит наверняка взлететь на воздух. Вероятность пожара – ровно сто процентов.

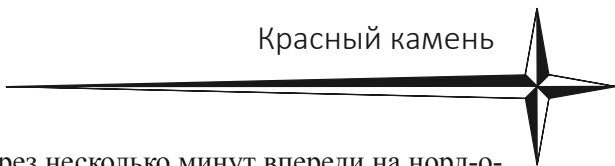
В десятке километров к норду остались огни Сергеева: небольшая группа мигающих желтых глазков, вкрапленных в черный бархат лесистых далей.

Курс все больше склонялся на ост. Вместо черного бархата лесов, под аэростат подбегала тускло-серая гладь огромного озера. Справа совсем невдалеке бисерным венцом горел Переславль-Залесский.

Полет установился. Можно было закусить. Шли все с той же скоростью под курсом 33 – 34 норд-норд-ост. Внизу – беспроектная тьма. Изредка промерцает одинокий глазок в какой-нибудь сонной деревушке, и снова черная пустота, нет ничего.

Под резким глазом фонаря карта, лежащая у меня на коленях, казалась светло-зеленым ковром леса. Лес без конца. Чем дальше к северу, тем зеленее делается карта. Это, может быть, и красиво, но такая красота вовсе не кажется мне привлекательной.

Твердой черной стрелкой вонзалась в поле зелени моя курсовая черта, упиравшаяся прямо в Ростов-Ярославский, он же Великий.

Действительно, через несколько минут впереди на норд-осте ярким пятном вырисовались его редкие огни. Подошли к городу. В нем царила полная тишина.

– Город Ростов!.. Город Ростов!..

Но наш рупорный зов остался без ответа. Ростов спал. Только из самого центра, с пятна затененных деревьями ярких фонарей, доносились звуки оркестра. По-видимому, браваурным мотивом запоздалые ростовчане-великие старались отогнать сон. Мирно плескалось о темную набережную озеро. На нем – никакого движения.

В воздухе становилось все свежей. Легкая пена белесоватой мути временами совсем скрывала поверхность земли. Было все труднее определять направление нашего движения. Небесный свод блистал мириадами ярких светил сквозь широкие просветы в облаках, беспорядочно нагроможденных над головой.

Эти окна, в которые, мигая, глядели звезды, делались все меньше. Скоро облака начали набегать на аэростат. Решительно ничего не стало видно, даже самая громада нашего шара скрылась из глаз.

И без того редкие огоньки деревень стали еще реже. Вероятно, их слабый мерцающий свет не мог пробиться сквозь туманную завесу низких облаков.

Те облака, что были пониже, бежали вместе с аэростатом, а верхние густыми тяжелыми массами направляли свой стремительный бег под углом к нашему курсу – почти прямо на север. Из этого Канищев заключил, что нужно всячески избегать увеличения высоты полета. В этом случае нас могло понести к Ледовитому океану. Тогда пришлось бы садиться прежде времени, даже не израсходовав балласта.

Холодная сырость забиралась за воротник. Неприятно зябла спина.

Судя по карте, оставалось рукой подать до Ярославля. Через каких-нибудь полчаса мы убедились в том, что так оно и есть. Прямо на нас шло светло-голубое зарево мерцающих ярославских огней.

Но в чем же дело? Почему вся масса огней не приближается к нам, а как будто уходит куда-то влево? Сверяюсь с компасом и вижу, что ветер резко меняется, курс круто склоняется к осту. Приближаемся к Волге, но вместо того, чтобы ее пересечь, идем вдоль левого берега и даже уклоняемся на зюйд.

Курс быстро перешел на 50, 60, 70 и продолжал склоняться к осту.

– В чем там дело, Николай Николаевич? Что за прелестная улица влево от нас?

– Матушка-Волга, Михаил Николаевич.

Улицей сказочного города-гиганта поблескивали под нами огоньки волжского фарватера. Между бакенами и створами от огонька к огоньку, шлепая колесами, полз пароход. Два ряда горящих огнями палуб отражались в черной воде. Их блики разбегались по зыбящейся от парохода воде. Но и это все осталось на норде. Опять мы оказались в плотной темноте.

Вглядевшись в фосфоресцирующую линейку компасной стрелки, отмечаю курс: уже 95. Снова из-под гайдропа показалась улица волжских огней. На этот раз мы шли ей наперерез и, оставив вправо тусклые огоньки набережной Плеса, опять ушли на норд-ост. Где-то очень далеко на зюйд-зюйд-осте остался утонувший в черноте городок. И снова мы погрузились в непроглядную темень. На этот раз ей нет границ. Небо и горизонт так же черны, как земля.

Таинственной жутью повеяло от донесшихся с земли, из непроглядной мертвой темени, двенадцати длинных-длинных ударов дребезжащего колокола: полночь.

Кругом все та же удивительная тишина. Изредка доносится с черной земли шорох гонимых ветром по лесу лиственных волн.

– Хорошо...

– Хорошо, – шепотом подтверждает, Канищев. – Кто раз полетел, непременно полетит еще.

В полном безмолвии время бежит в темноту.

Делается все свежей. Пора доставать фуфайки.